

С.Шамилов

Приключения Нигяр

Перевод с азербайджанского Г.Сеидбейли

Азербайджанское издательство детской и юношеской литературы.

Баку - 1959

OCR А.Бахарев

Приключения Нигяр

Гошар и волшебный конь

ПРИКЛЮЧЕНИЯ НИГЯР

1

Кто-то был, кого-то не было. Давным-давно на берегу Каспия, в железовратном городе Дербенте жил богатый купец Дэде Сарбан. Он привозил товары из Туркестана. Ирана, Астрахани и продавал их на Кавказе. У него были прекрасный дворец, полный всякого добра, сады и цветники, и ни в чем на свете он не нуждался. Купец был женат, имел сына и дочь, сына звали Санджар, а дочь - Нигяр. Нигяр была так прекрасна, что могла бы сказать луне: "Не ты, а я должна светить на небе" и могла бы сказать солнцу: "Не ты, а я должна озарять мир теплыми лучами". Лицо ее было так нежно, что казалось прозрачным, длинные косы спускались до пят. Каждый, кто увидел ее хоть раз, мечтал снова встретиться с нею. Она была так же умна, добра и благородна, как и красива. И отец, и мать, и брат очень любили ее.

Дэде Сарбан был очень набожным человеком, свято соблюдал все заветы и обычаи мусульманской религии. Как-то раз, вернувшись из поездки и сидя в кругу своей семьи, он сказал:

- Вот я уже состарился. Слава аллаху, всего у нас много - имущества и денег. Хватит до конца жизни. Теперь я должен исполнить свой долг - сходить в Мекку, поклониться святой Каабе*.

* Кааба - мечеть в Мекке, в Саудовской Аравии, священный храм мусульман.

Услышав это, все домашние опечалились. Жена купца стала просить мужа, чтобы он взял ее с собой. Купец согласился. Тогда жена сказала:

- Оба мы стары. Тяжело нам с тобой будет совершить этот путь. Не взять ли нам с собой помощника?

Купец поразмыслил и решил взять с собой сына.

Юноша сказал:

- Вы - мои родители, вы подарили мне жизнь, а теперь, когда вы стали стары, мой долг - служить вам. Разве я могу допустить, чтобы мои отец и мать отправились одни в такой дальний путь? Я благодарен вам за то, что вы согласны взять меня с собой.

Когда юноша закончил свою речь, взоры родителей и домочадцев обратились к девушке.

Нигяр сидела с опущенной головой и печально вздыхала. Ее состояние раньше всех тронуло мать, и она, обратившись к мужу спросила;

- А как же наша дочь? Разве можно оставить ее одну?

- Жена! - ответил купец. - Ты говоришь только о дочери и забываешь о доме и обо всем нашем имуществе, которое мы тоже здесь оставляем...

Кази* Тэке - один из моих самых верных друзей... Если бы я уезжал один, то всех вас поручил бы ему. Мы смело можем оставить на его попечение нашу дочь и весь дом.

* Кази - судья.

Жена поколебалась немного, но другого выхода не было, и ей пришлось согласиться с предложением мужа.

Не в силах больше сдерживать волнение, Нигяр заплакала. Слезы текли из ее глаз и, падая на колени, обжигали их, точно огнем. Чтобы не видели, что она плачет, Нигяр вышла на балкон.

Была ясная ночь. Прохладный ветерок, пронесившийся над садом, коснулся ее щек. Печальные соловьиные песни только усилили ее горе. Она не могла представить себе, как будет жить одна, но не смела ничего возразить отцу. Она горячо любила отца, мать и брата; только эта любовь и наполняла все ее сердце, и потому при мысли о разлуке с ними горькие слезы струились из ее глаз.

Брат, выйдя вслед за Нигяр на балкон, увидел, как она стоит там в сиянии луны и плачет, прислонившись к перилам. Он стал уговаривать ее, успокаивать и привел обратно в комнату. Чтобы отвлечь Нигяр от грустных мыслей, купец приказал ей накрыть на стол и подать разные сласти. Нигяр, глаза которой были красны от слез, тотчас исполнила распоряжение отца, как будто ничего не случилось; она постелила скатерть, принесла миндаль и фисташки, наколола их, очистила фрукты и поставила все это на стол. Но кушать не стала, и ничто не могло развеселить ее.

С утра начались сборы в путешествие, а через три дня родители и брат Нигяр отплыли на корабле в далекий путь.

2

Шли недели и месяцы. Нигяр исхудала от тоски и ожидания. Чтобы время шло скорее, она занималась рукоделием. Часто заходил к ней старший сын кази, якобы проведать, как она живет, и узнать, не нужно ли ей помочь в чем-нибудь. Но Нигяр не нравилось, как он ведет себя - было заметно, что в мыслях у него недоброе. Уже несколько раз он пытался насильно поцеловать ее, но она отвергала эти попытки. Тогда он начал надоедать ей и по ночам. Девушка не смела никому рассказывать об этом, потому что отец молодого человека, кази Тэке, во всем потакал своему сыну. Он пользовался большим уважением в городе, был человеком влиятельным, и ей все равно никто не поверил бы. Она только опозорила бы себя.

Бедная Нигяр билась, как рыба в сетях, но, сколько ни думала, не могла найти никакого выхода из положения. О, если бы поскорее вернулись ее родители и брат! Но кто знает, когда это будет?

Теперь она каждый свой день встречала и провожала слезами. Часто напевала она печальную баяты*:

* Баяты (баяти) - жанр азербайджанской народной песни.

Жизнь моя - далеко в море,

Где корабль с волнами спорит.

От обильных слез моих

Разлилось широко море.

Однажды сын кази Тэке попытался силой склонить ее к любви. Защищая свою честь, девушка сильно ударила дерзкого насильника. С окровавленной головой он убежал к себе.

Узнав о происшедшем, рассвирепевший кази повернул дело по-своему. И скоро по всему Дербенту распространился слух, будто сын кази подстерег какого-то человека, который пришел ночью к Нигяр, дочери купца Дэде Сарбана, и тот проломил ему голову. Все жалели почтенного, славного Дэде Сарбана и клеймили позором его дочь.

Но злобный кази не остановился на этом. Когда стало известно, что Дэде Сарбан возвращается и остановился в одном из ближайших иранских городов, кази отправил к нему гонца навстречу, чтобы известить о случившемся. Гонец нашел купца в караван-сараяе. Поговорив с ним о том о сем, он вынул из-за пазухи письмо и вручил его купцу. Купец позвал сына и велел ему прочесть письмо. Вот что было написано в этом письме:

“О почтенный и достославный Дэде Сарбан! С тех пор, как ты уехал в свое благочестивое путешествие, мы выбились из сил, охраняя твой дом, но никак не можем справиться с твоей дочерью. Некто стал приходить к ней по ночам. Она опозорила тебя, достопочтенный Дэде Сарбан, на весь город. Кто мог подумать, что аллах наградит тебя такой дочерью? Вместо благодарности за наши попечения она устроила так, что сыну моему разбили голову. Конечно, человек, который мог так поступить, никогда не сознается в своем поступке. Она постарается свалить всю вину на моего сына, чтобы оправдаться перед отцом. Поэтому я и решил написать тебе, дабы ты знал всю правду. Надеюсь, ты не станешь сомневаться, что все написанное мной - истина.

К а з и Т э к е”.

Пока сын купца, запинаясь, читал, у Дэде Сарбана от удивления и гнева глаза вылезли на лоб. Жена его стала бить себя по голове и груди и рвать на себе одежду, испуская жуткие вопли. Брат Нигяр побледнел, как будто над ним разразился гром, и сам Дэде Сарбан от ярости едва не потерял рассудок. Он приказал сыну немедленно ехать домой и привезти ему одежду дочери, орошенную ее кровью. Сколько ни упрашивала его бедная мать отменить жестокое решение, он остался глух к ее мольбам.

Санджар отправился в путь.

3

Тем временем Нигяр томилась в ожидании своих родителей и любимого брата. По утрам, поднявшись с постели, она подметала пол, прибирала в доме; приготовив чай, садилась за работу, чутко прислушиваясь к каждому звуку, доносившемуся с улицы. Заслышав малейший шум, подбегала к окну, чтобы посмотреть, не они ли это приехали. Но отца, матери и брата все не было. Каждую ночь Нигяр видела их во сне. Спала она мало, а в последнее время и совсем потеряла сон. Утреннюю зарю она всегда встречала с открытыми глазами. Бедная девушка не знала об ужасном письме, которое отправил ее отцу кази Тэке. Она собиралась рассказать своим родителям правду о бесстыдном поведении сына кази и о том, как она

отстояла свою честь.

Но, как говорится, человек предполагает, а судьба располагает. Подлые клеветники могут оплести ни в чем неповинного человека!

Было ясное весеннее утро. На траве и цветах блестела роса. Нигяр встала с постели, умылась, одела одно из своих самых лучших платьев и спустилась в сад.

Какое-то недоброе предчувствие беспокоило ее; она не могла найти себе места. Вдруг нетерпеливо постучали в ворота. Нигяр подбежала к воротам и открыла врезанную в них маленькую дверь. Вошел Санджар, но с таким мрачным лицом, что Нигяр не поверила своим глазам. Но сердце сестры не выдержало, и она, раскрыв объятия, хотела броситься ему на шею. Брат грубо оттолкнул ее от себя. Девушка, пораженная этим, не зная, что и думать, спросила:

- Санджар! Брат мой! Почему ты так обращаешься со мной? Где наши отец и мать? Санджар сурово сказал:

- Видно, тебе ничего неизвестно? Ты опозорила нас перед всеми людьми и запятнала нашу честь. Отец велел мне убить тебя и привезти ему твою окровавленную одежду. У меня нет времени ждать, готовься принять смерть!

Услышав эти слова, девушка чуть не лишилась чувств.

- Как?! Я опозорила наших родителей, запятнала их честь? - внезапная догадка ошеломила ее. - Аллах свидетель, это клевета! Позволь мне рассказать тебе все, как было, ты должен узнать истину!

Санджар, не желая слушать ее, сказал:

- Я пришел сюда не для болтовни, а для того, чтобы убить тебя. Таков приказ моего отца. Но сердце мое не позволяет мне выполнить этот приказ. Скорей собери что тебе нужно из вещей, и я уведу тебя куда-нибудь подальше отсюда, чтобы ты не нашла дороги обратно. Другого выхода у меня нет. Чтобы успокоить отца, я застрелю какое-нибудь дикое животное, вымажу его кровью твою платье и отвезу отцу. Если спросит меня, что я сделал с тобой, скажу, что отрубил тебе голову, а тело бросил в воду.

Несчастливая девушка согласилась на предложение брата. Плача, собрала она кое-что на дорогу. Долго шли они; вот уже город остался позади, а затем и совсем скрылся из виду. Много ли, мало ли прошло времени, но, наконец, через горы и ущелья дошли они до огромной пустынной равнины. Оба очень устали. Брат предложил сестре отдохнуть. Измученная разбитая Нигяр подошла к большой чинаре, у корней которой бил родник, прозрачный, как журавлиный глаз. Она освежила водой лицо и руки и села. Санджар мягко сказал:

- Сестра, ты очень устала, приляг, отдохни немного.

Девушка согласилась, благодарно взглянув на брата. Санджар, сняв архалук, накрыл ее, потом вынул из кармана свирель и начал наигрывать печальную мелодию. Приятные звуки свирели убаюкали Нигяр, и она заснула сладким сном.

Тогда Санджар встал и удалился, оставив сестру спящей. По дороге он застрелил из лука джейрана, смочил его кровью взятое из дома платье сестры и после нескольких дней пути вернулся в то место, где остановились его родители. Вытащив окровавленную одежду, Санджар бросил ее перед отцом. Сердце разгневанного купца успокоилось, но бедная мать горько плакала, слезы ручьем бежали из ее глаз. В душе и Дэде Сарбан раскаивался, что

поступил так жестоко, но ничем не выказывал этого, а заговорить с ним об этом никто не осмеливался из страха перед ним. Убитые горем и муками раскаяния, отправились они втроем домой, где уже не встретит их ласковая, любящая Нигяр, которая ждала их с таким нетерпением.

4

Посмотрим же теперь, что произошло с бедной Нигяр.

Проснувшись, она увидела себя совершенно одинокой. Было уже далеко за полдень. Заметив на себе архалук брата, она прижала ого к лицу и, вздыхая в себя его запах, словно аромат цветка, горько заплакала. Но что толку от слез? Они только обжигали ей щеки своей соленой влагой, да веки покраснели от них, словно лепестки маков. Наконец, немного успокоившись, Нигяр смогла ясно представить себе, в каком страшном положении она оказалась. Умывшись в роднике, она задумалась о том, что ей делать.

Потом она надела архалук, оставленный братом, подобрала длинные змеи своих кос и обвязала голову полотенцем как чалмой. Она знала уже, как трудно одинокой девушке, и потому постаралась, насколько можно, скрыть свою красоту, придать себе вид прислужника-нукера. Ведь теперь люди были для нее страшнее хищных зверей, и красота ее могла принести ей только новые, еще худшие беды. Она поела немного сухого хлеба - больше у нее ничего не имелось - и запила его водой.

В тех местах не было видно ни одной тропинки, ни одного следа человека. Нигяр не знала, куда ей идти. Сердце ее сжалось от горя, она заплакала. "В чем моя вина? Тебе ведомо, аллах, что я не сделала ничего дурного, помоги же мне, укажи мне путь!" - взмолилась она. Но ответа на ее мольбу не было, кругом было пустынно, безлюдно и тихо. Ей стало страшно. Но внутренний голос говорил ей: "Что бояться? Страх не поможет, не спасет тебя, напротив - это один из твоих врагов. Он только ослабляет твои силы и может погубить тебя. Будь стойкой, шагай смело. Выбери какое-нибудь одно направление и держись его - может быть, и доберешься куда-нибудь".

Этот внутренний голос подбодрил Нигяр; прибавилось силы в ногах и смелости в сердце. Она пошла по широкой равнине, вдоль которой тянулся густой лес. Вдали виднелись горы, холмы, а перед ними сверкала голубая лента большой реки. Вдруг дорогу ей перебежал заяц. На бегу он останавливался и смотрел на Нигяр. Мысленно она говорила ему: "О, ты, степной зверек, не бойся меня, я не сделаю тебе зла!"

Потом повстречалась ей лиса. Она тоже, опустив хвост, убежала, оглядываясь на незнакомого путника. Пройдя еще немного, Нигяр увидела стройного, красивого марала. Он вышел из лесу, направляясь к реке. Никогда в жизни Нигяр не видела еще живого оленя. Она остановилась. Он тоже остановился, настороженно оглядываясь по сторонам.

Странная мысль появилась у Нигяр, когда она смотрела на благородное животное. "О, если бы я знала язык лесных зверей, я могла бы поведать им свое горе, а от них узнала бы про то, как они живут и что случается с ними в лесах и на равнине, - подумала она. - Ведь они живут, значит и у них есть свои заботы и свое горе". Но, увы! И это желание было несбыточным, но она обрадовалась, что есть еще живые существа в этой степи. Она смотрела на равнину, леса, горы и холмы, и в ее душе проносились тысячи грез, рождались тысячи вопросов. Раньше она и не представляла себе, как богата и разумна природа, сколько в ней тайн. Казалось, во всем мире только всего и есть что их дом, двор и сад, полный цветов. Откуда ей было знать, что случится с ней такая беда и что приютом ей станет дикая пустыня?

Говорят, ноги смелее глаз. Когда Нигяр устремляла свой взор вдаль, ей не верилось, что она может дойти до человеческого жилья, а ноги все несли и несли ее, вели ее все дальше. Несколько дней шла она так и, наконец, добралась до окраины какого-то города. Хлеб,

который она взяла с собой, уже весь вышел. Ей приходилось обманывать свой голод съедобными травами и дикими плодами. От ветра и солнца кожа на ее лице потемнела и погрубела, одежда ее была изорвана в клочья, ноги были все в волдырях. Теперь никто не узнал бы в ней прежнюю Нигяр, красавицу из красавиц. Она изнемогала от усталости, колени ее подгибались, тело слабело. Ей не хотелось показываться людям в таком виде, и она решила не входить в город до наступления темноты. Когда стало смеркаться и запорхали летучие мыши, она подошла к реке, протекавшей по окраине города. Что делать? Она взобралась на иву, склонившуюся над водой, и, как птица, устроилась в ее ветвях, чтобы переночевать.

5

В этом месте сын шаха обычно поил своего коня. Когда на следующее утро он подвел его к реке, конь вдруг насторожил уши и стал упираться. Царевич хлестнул его нагайкой, конь отпрянул, но к воде не хотел подходить.

Уже окончательно рассвело. Царевич осмотрелся и вдруг заметил в ветвях ивы какую-то тень. Похоже было, что человек, скорчившись, пристроился между ветвей. Сев на коня, царевич потихоньку подъехал к дереву и крикнул:

- Эй, кто там?

Нигяр, проснувшись, в испуге взглянула вниз,

но, увидев прекрасного юношу на коне, стала слабым голосом умолять его:

- Я бедный путник, вынужденный провести ночь на ветвях этого дерева. Если ты добрый и благородный человек, помоги мне!

Царевич, услышав этот голос, почувствовал, что он не подходит к мужской одежде незнакомца - слишком нежно звучит. Он приказал:

- Кто бы ты ни был, слезай с дерева!

Девушка медленно и осторожно спустилась на землю. Царевич посадил ее к себе в седло и прискакал вместе с ней во дворец. Он отвел там Нигяр особую комнату и приказал своим слугам бережно охранять ее.

Родители царевича жили в другом городе, а он был здесь наместником падишаха, своего отца. Нигяр продолжала выдавать себя за юношу, и потому ей дали мужскую одежду. Слуги очень интересовались этим странным юношей и всячески старались проникнуть в его тайну.

Однажды царевич осведомился о своем госте. Нукер, которого он спросил о нем, почтительно ответил:

- Наш гость очень странный человек. Он совсем не похож на неотесанного бродягу. Я даже сомневаюсь, мужчина ли он. Хотя на нем мужская одежда, своей походкой и повадками он больше напоминает девушку. А по изяществу его манер и по тому, как он ест и пьет, можно узнать в нем человека благородного происхождения.

Выслушав слугу, царевич ничего не сказал. Но, оставшись один, он решил подглядеть за гостем и постараться раскрыть его тайну.

Рано утром, едва занялась заря, царевич подкрался под окно комнаты, где жил его таинственный гость, и заглянул внутрь. Он увидел чудную красавицу с длинными волнистыми волосами, сладко спавшую в своей постели. Ее длинные черные ресницы были сомкнуты, нежное лицо было безмятежно. Царевич был поражен - нигде еще не видел он такого

прелестного лица. Красота девушки притягивала, как магнит. Вдоволь налюбовавшись, царевич вернулся, веселый и радостный, в свои покои и приказал нукеру передать гостю, что он, царевич, приглашает его на завтрак.

Нигяр встала, ничего не подозревая; как всегда, умылась, надела свою мужскую одежду и стала ждать, когда подадут завтрак, как вдруг вошел слуга и передал ей приглашение царевича.

Девушка встревожилась, заподозрив что-то, но послушаться не посмела и пошла за слугой. Царевич принял ее ласково и учтиво, но дал понять, что знает, кто она. Девушка не нашлась что ответить. Подозвав одну из служанок, царевич приказал ей увести гостя и одеть в самую лучшую девичью одежду. Через некоторое время пред ним предстала дивная красавица. Царевич пригласил ее за стол. Принесли еду. Подождав, пока девушка что-либо скушает, царевич обратился к ней с просьбой рассказать ему все, что с ней случилось. Нигяр все рассказала. Растроганный царевич объявил ей о своей любви. Девушка старалась убедить царевича, что она ему не пара, но он ничего не хотел слушать и только повторял, что любит ее. И долго он говорил ей о своих чувствах, и девушка поверила.

Царевич отправился в свои покои. Подумав немного, он взял перо и бумагу и написал отцу такое письмо:

“Дорогой высокочтимый отец! Простите меня за то, что осмеливаюсь писать вам об этом... О, пресветлый шах, отец мой! Я не сомневаюсь, вы будете рады моему счастью. Нежданно-негаданно судьба послала мне невесту. Она необыкновенно красива и умна. Хочу знать вашу волю. Прошу вашего разрешения жениться на этой девушке, которую я полюбил всем сердцем.

Шлю моим дорогим и высокочтимым родителям тысячу приветов и мое глубокое уважение”.

В ожидании ответа на письмо царевич и Нигяр очень хорошо проводили вместе время и все больше привыкали друг к другу. С каждым днем характер девушки все больше нравился царевичу, а девушке все больше нравился характер ее жениха.

6

Оставим их занятыми своей любовью и посмотрим, что ответил на письмо царевича Джаваншира его отец.

Старому шаху, человеку гордому и тщеславному, очень не понравилось письмо сына. Он собрал своих придворных и после совета с ними продиктовал следующий ответ на письмо сына:

“Сын мой, Джаваншир! С каких это пор ты забыл о своем происхождении и о том, чьим сыном ты являешься? Как могло тебе прийти в голову жениться на неизвестной девушке, откуда-то появившейся на твоём пути? Разве ты не знаешь, что сын шаха может взять в жены только равную себе - девушку из царского рода? Ты уронил себя в моих глазах просьбой разрешить тебе жениться на какой-то безродной побирушке. Напиши мне, с каким из самых знатных семейств в стране ты хотел бы породниться, и я сейчас же пошлю туда сватов. А жениться на первой встречной и не думай и не проси - не позволю!

Твой отец шах А р п о л а д”.

Гонец хлестнул своего коня; благородный арабский скакун взвился и понесся, как птица. Гонец не знал, какие вести он везет влюбленным, ему было все равно, что везти, но для них эти вести были нерадостны.

В это время сын шаха отправился с подругой своего сердца Нигяр на далекую прогулку. Они посетили развалины старинного города. Царевич то рассказывал Нигяр предания об этих местах и показывал памятники старины, остатки крепостных стен и боевых башен, то принимался расспрашивать свою возлюбленную о ее родине. Она печалилась, едва слышала это милое слово, вспоминала свой дом, родителей, брата, и слезы блестили на ее прекрасных глазах. И она говорила, что хотела бы стать птицей, чтобы полететь туда и хоть на миг увидеть родной дом, отца и мать. Джаваншир успокаивал ее. Он сказал, что настанет день - и он вместе с ней навестит ее родных.

Занятые сердечной беседой, влюбленные не заметили, как достигли города, и удивились, очутившись у ворот своего дворца. Слуги подбежали к ним, взяли коней. Джаваншир и Нигяр поднялись в покои. Но когда Нигяр попросила у царевича разрешения удалиться к себе в комнату, он сказал, что хотел бы пообедать вместе с ней. Она приняла приглашение. Как раз в это время слуга доложил о том, что прибыл гонец от шаха. Царевич приказал немедленно выпустить его. Гонец с поклоном отдал царевичу письмо и вышел.

Прочтя письмо отца, Джаваншир сделался как больной и целый месяц был в таком состоянии. Хотя он ни словом не обмолвился с Нигяр о содержании письма, она догадывалась об истинной причине его болезни. По прошествии месяца царевич принял решение отречься от своих прав наследника престола и сохранить за собой власть только над тем городом, где он жил.

Он известил отца о своем решении и после этого женился на Нигяр. Свадьбу справляли сорок дней. Было приглашено бесчисленное множество гостей, даже из простых людей. Это очень понравилось подданным царевича. Лучшие мастера города поднесли ему в подарок образцы своего искусства: в народе одобрительно отнеслись к тому, что царевич женился на девушке не шахского рода. Об этом было много толков и разговоров. Для того, чтобы еще больше завоевать расположение народа, Джаваншир снизил налоги с ремесленников, крестьян - со всех, кто добывает хлеб своим трудом, и увеличил налоги с купцов, помещиков и ростовщиков. Все эти изменения законов к лучшему народ приписал тому, что его повелитель женат на девушке простого звания. Может быть, это так и было.

Через некоторое время у царевича родились близнецы, сын и дочь. Мальчик был весь в отца, а девочка - в мать. Сына называли Охтекин, а дочь - Гюльтекин.

Прошло несколько лет. Как-то царевич охотился. Ему посчастливилось убить двух джейранов. Он привязал их к седлу и с этой добычей возвращался домой. Когда он подъехал к дому, навстречу ему выбежали Охтекин и Гюльтекин. Обычно Нигяр сама выходила встречать его, ведя детей за руки. Увидев детей одних, Джаваншир встревожился. Он соскочил с коня, обнял и расцеловал детей и спросил их, где мать. Слуги сказали, что госпожа целый день не выходила из дому, и, кажется, заболела. Джаваншир, взяв детей за руки, поспешно направился в дом и увидел, что Нигяр сидит очень печальная, со слезами на глазах. Опустив детей на пол, царевич обнял жену и спросил:

- Что с тобой?

Нигяр украдкой вытерла глаза, медленно подняла голову. Джаваншир внимательно, с тревогой смотрел на нее. Нигяр взяла мужа за руку.

- Ничего, все хорошо, - сказала она, - прости меня! Только сердце мое отчего-то больно сжимается. А так - ничего.

Но царевич не мог успокоиться.

- Однако почему ты плачешь? - настойчиво спрашивал он.

Нигяр с мольбой взглянула на мужа. Губы ее дрогнули, но она удержалась, не заговорила, словно хотела испытать своего любимого, прежде чем открыть ему причину своей тоски.

- Боюсь разгневать тебя...

- Чем? Что случилось? Скажи мне, Нигяр.

- Ничего не случилось. Мне нечего от тебя скрывать, Джаваншир, я скажу все. Выслушай меня, мой возлюбленный. Ведь я - человек, и сердце мое не из камня и не из железа. Когда я вспоминаю об отце, матери и брате, слезы невольно сами льются из моих глаз... Кроме этого, поверь, не грущу ни о чем, у меня нет ни одной тайной мысли от тебя. Если сочтешь это за вину - накажи меня.

Джаваншир обнял Нигяр, поцеловал ее в губы.

- Что ты, Нигяр! О каком наказании ты говоришь! Я отправлю тебя и детей с надежными провожатыми к тебе на родину. Ты увидишь отца, мать и брата, увидишь свой дом. А потом и сам приеду туда за вами. Согласна?

Услышав эти слова, Нигяр заплакала от радости, как ребенок, и спрятала лицо на груди мужа. Дети прижались к ним и обняли родителей своими маленькими ручонками.

7

Неделя ушла на приготовление к путешествию.

По приказу царевича был составлен отряд вооруженных всадников для охраны Нигяр и детей в пути. Начальником отряда был назначен Джэбе, в его распоряжение были отданы также нукеры и стрелки. Семья царевича занимала отдельный паланкин, а в других поместились свита и слуги. Царевич проводил семью с большой пышностью. Прощаясь, он много раз целовал жену и детей и прижимал их к груди. Наконец, они расстались.

Караван двинулся в путь. Впереди ехали всадники, за ними шли груженные верблюды и двигались паланкины с людьми, а замыкал караван отряд во главе с Джэбе. По распоряжению царевича путешественники дважды в день делали привал и раскидывали шатры, чтобы Нигяр-ханум с детьми могла отдохнуть, а на ночь тоже останавливались и ночевали в шатрах. Всего, что могло понадобиться в пути, было запасено в изобилии. Путешествие должно было продлиться сорок дней и сорок ночей. Была уже осень, и ночи стояли темные. Днем всадники устраивали охоту. Им удавалось убить то марала, то джейрана, то горного козла, а иногда более мелкую дичь: куропаток и турачей. По ночам конники по очереди стояли на страже у шатра Нигяр-ханум.

Уже почти половина пути осталась позади. Однажды вечером, Джэбе не назначил почему-то людей в караул к шатру Нигяр-ханум. После полуночи он сам подошел к шатру. Нигяр не спала, она рассказывала детям сказку. Охтекин и Гюльтекин, сидя рядом с матерью, внимательно слушали ее. Речь Нигяр лилась так плавно и красиво, что дети с восхищением и завистью говорили ей: "О, мама, когда же мы научимся говорить так складно и красиво, как ты?" На это мать, лаская их, отвечала: "Милые, ненаглядные мои детки, когда вырастаете, вы будете говорить еще лучше меня, а пока слушайте, как я говорю. Я научилась так хорошо рассказывать тоже от своей матери".

Убедившись, что в шатре не спят, Джэбе ушел. Прошло немало времени, пока он снова приблизился к шатру. На этот раз оттуда не доносилось ни звука. Тогда он бесшумно проник в шатер. Но как ни старался он быть осторожным, Нигяр, у которой был очень чуткий сон, сразу проснулась и закричала:

- Кто здесь?

Ответа не последовало. Она несколько раз громко повторила свой вопрос, но никто не отвечал. Нигяр рассмотрела у входа чью-то тень. "Стража заснула, - подумала она, - сюда пробрался вор". Она хотела позвать кого-нибудь на помощь, но Джэбе, приблизившись к ней, заговорил, стараясь ее успокоить. Он сказал, что давно любит ее, и хотел склонить ее к любви, но заметив, что Нигяр непреклонна и пойдет на все, защищая свою честь, преисполнился злобы, стал угрожать ей смертью. Но Нигяр-ханум спокойно возразила.

- Лучше умереть, чем быть обесчещенной таким подлым человеком, как вы!

Джэбе окончательно рассвирепел. Он выхватил кинжал и прошипел в лицо Нигяр:

- Ты должна понять, что здесь - я властелин, и никто не смеет противиться моей воле! Скажу любому: умри, и он умрет; скажу: живи, и он останется жив. Тот же, кто не подчинится, столкнется с острием вот этого кинжала. Сначала я отрежу головы твоим детям, а потом тебе! Подумай, пока не поздно, даю тебе срок!

Нигяр поняла, что ей нечего ждать пощады от жестокого, кровожадного Джэбе. Тогда она вспомнила свой тайный уговор с мужем и выпустила на волю двух голубей, которых везла с собой. Их возвращение во дворец должно было послужить сигналом, что караван в беде.

Потом Нигяр закутала покрывалом голову и лицо; оставив своих детей спящими, выбежала из шатра и, как пугливый джейран, скрылась в темноте. Когда Джэбе вернулся и увидел, что Нигяр-ханум нет, он содрогнулся от страха. К детям он не подошел, даже разбудить их не решился. Он приказал трубить тревогу и поднять охрану. Когда же все собрались, он объявил перепуганным людям, что Нигяр-ханум, бросив своих детей, скрылась. Услышав это, все были поражены.

Разнесся слух, что девушка, на которой женился царевич, была цыганского племени, каждый говорил, что взбредет в голову. Но было уже поздно. Отряд, отправленный по приказу Джэбе на поиски Нигяр-ханум, вернулся с печальной вестью - Нигяр нигде не нашли. Плачущих детей посадили в паланкин со слугами, и караван тронулся в обратный путь.

Когда царевич увидел, что голуби Нигяр прилетели обратно, он совсем потерял покой. А когда вернулась охрана и слуги с детьми, он еще сильнее встревожился. Узнав о случившемся, он помертвел от ужаса и горя. Жители его города в течение сорока дней носили траур. От шаха - отца пришло письмо, содержащее суровый выговор и насмешки, отчего горе царевича только усилилось. Знал истину только один изменник Джэбе, но он надеялся, что дикие звери в пустыне растерзают Нигяр и, благодаря этому, его преступление будет навсегда скрыто.

Покинем Джаваншира и его приближенных в этом положении и посмотрим, какие новые приключения произошли с бедной Нигяр. Путница на дороге бедствий, Нигяр день и ночь шла, не останавливаясь. Больше всего ее мучило то, что ей пришлось оставить своих бедных детей.

"Не сделает ли им вреда жестокий Джэбе? Нет, воины отряда слишком уважают царевича, чтобы причинить зло детям. Один же Джэбе не решится на это. Но знает ли Джаваншир о том, что случилось? В каком виде представил ему Джэбе все происшедшее? Узнает ли Джаваншир правду?"

Ни на минуту не расставаясь с этими тревожными мыслями, шла Нигяр по горам и долинам, по ущельям и тропинкам. Долго ли, коротко ли шла, но наконец, встретила она на Мугани одного чабана. Чабан еще издали увидел, что какой-то человек, неуверенно озираясь по сторонам, спускается к пастбищу. Он поднялся и загородил собой собак, огромных и злых,

как тигры, чтобы они не растерзали приближавшегося путника. Нигяр обрадовалась этому - значит, человек добрый. Высокий, сильный чабан смотрел, как подходит странная путешественница. Она поздоровалась с ним. Он почтительно ответил на ее приветствие, и, узнав, что она очень голодна, пригласил ее в свой шалаш и принялся угощать, чем мог. Видя такую доброту и благородство чабана, Нигяр сняла с шеи ожерелье и подарила ему на память. Он не хотел принять его; только усиленные просьбы Нигяр заставили его согласиться. Несколько дней прогостила она в шалаше у гостеприимного чабана, отдыхала и рассказывала ему свою историю. Чабан был очень тронут ее печальной повестью. Он зарезал самого большого барана и насолил ей мяса на дорогу, испек лепешек. Нигяр попросила его дать ей что-нибудь из его старого платья. Он вытащил из хурджина свою старую одежду и дал ей. Она одела ее на себя, взяла дорожный посох и, отправляясь в путь, сказала;

- Братец чабан! Мир очень велик. Человек не может знать, где его настигнет смерть. Но все-таки, может быть, мы еще встретимся. Окажи мне твое имя.

Чабан ответил:

- Меня зовут Сары-чабан.

Они попрощались. Чабан стоял на высоком холме и смотрел вслед Нигяр, пока она не скрылась из глаз.

8

Царевич Джаваншир ни на минуту не забывал о своей любимой жене и подруге. Охтекин и Гюльтекин постоянно спрашивали: "Когда вернется наша мама?" И это удесятряло горе Джаваншира.

Однажды он решил проехаться и приказал военачальнику Джэбе сопровождать его с отрядом всадников и нукеров. Детей он тоже взял с собой. Они отправились в путь. По приказу царевича они ехали тем же путем, каким когда-то шел караван Нигяр.

Во время стоянок царевич охотился, стараясь рассеять свою тоску. Когда они добрались до того места, где был последний привал каравана Нигяр, царевич заставил Джэбе еще раз рассказать ему о том, как все произошло, и Джэбе плел ему свою прежнюю ложь о том, как неожиданно ночью сбежала из своего шатра Нигяр-ханум. Царевич все еще не мог поверить ему. Он объехал окрестности, внимательно осматривая их. На месте привала каравана еще сохранились старые следы: колья от палаток, круги выгоревшей травы от костров. Каждое дерево, каждый куст выглядели как-то особенно: казалось, они хранили тайну, свидетелями которой им пришлось быть, и царевичу хотелось расспросить их о том, что они видели.

Путешественники оставались на этом месте несколько дней и затем продолжали свой путь.

Однажды слуги заметили вдали стадо баранов. Они сообщили об этом Джаванширу. Он послал гонца за чабаном. Чабана привели. Представ перед царевичем, он поклонился ему. Царевич спросил:

- Эй, чабан, чье это стадо? Чабан ответил:

- Да живет царевич вечно! Это стадо муганского хана.

- Не продашь ли нам несколько баранов? - спросил царевич.

- Зачем продавать! Я могу их вам подарить - в стаде хана есть и моя чабанская доля. Какие вам понравятся, тех и зарежу.

- Нет, чабан, выбери баранов сам. Каких зарежешь, за тех и заплатим.

Чабан согласился. Устроили привал у холодного родника. Царевич сам снял с коня детей и, держа их за руки, прогуливался с ними. Скоро слуги приготовили еду, а чабан, зарезав баранов, отдельно приготовил из них чабанскую бозартму*. Его угощение понравилось царевичу. Насытившись и утолив жажду, стали беседовать. Царевич предложил, чтобы каждый рассказал о том, что видел и слышал и что знает от других. Сары-чабан (это был именно он) со своими братьями и товарищами тоже находился в обществе царевича и его свиты. Подошла его очередь рассказывать.

* Бозартма - жареное мясо, вид рагу.

- Да живет сын шаха вечно! - сказал он. - Я не осмелюсь рассказывать то, о чем я слышал. Но, если будет на то милость царевича, я расскажу о том, что видел сам.

Царевич разрешил ему говорить, и чабан начал свой рассказ.

- Однажды на этом склоне пас я свои стада и поставил тут шалаш. Наевшись, овцы укладывались на отдых, собаки тоже дремали. Вдруг я заметил, что с ближнего холма спускается человек. Он увидел мое стадо и остановился, опасаясь собак. Я встал и загородил их собою. Тогда путник, осмелев, подошел ближе. Это была молодая женщина или девушка. Она очень устала и была голодна, мне стало очень жаль ее, я пригласил ее в свой шалаш, предложил свое немудреное угощение. По всему было видно, что ее тяготит какое-то горе. Она рассказала мне удивительную историю, которая произошла с ней, но, по-моему, рассказала не все. Я понял только, что она - дочь купца, что ей пришлось уйти из дому и что потом она нашла счастье, какое редко выпадает простой девушке, но злые люди лишили ее этого счастья... Много недомолвок было в ее рассказе, но я отнесся с уважением и доверием к ней, и она была так этим тронута, что заплакала. Уходя, она попросила у меня мою старую одежду. Что-то заставило ее скрывать свой пол и выдавать себя за мужчину. Она была очень добра. На прощанье она сняла с шеи дорогое ожерелье и дала мне. Я не хотел брать его, но она заставила, и я взял. Долго смотрел я вслед путнице, когда она уходила. Да, тяжелая судьба у этой женщины, много испытаний пришлось ей вынести по своему пути, и кто знает, сколько бед и трудностей она еще встретит...

Царевич был сильно взволнован этим рассказом, и все присутствующие прислушивались к словам чабана с изумлением. Только Джэбе был охвачен страхом, но постарался не показать этого.

Царевич сказал:

- Видно по тебе, чабан, что ты человек мужественный и правдивый. Ты вскормлен молоком честной матери и хлебом честного отца. Я хочу предложить тебе кое-что.

Чабан отвечал:

- Да живет сын шаха вечно! Говорите, я готов повиноваться вам!

- Чабан, я хочу, чтобы ты поехал с нами. Скажи, что нужно сделать для этого, и я окажу тебе помощь.

- Какая нужна мне помощь, высокочтимый царевич? Нас четыре брата - если я уеду, трое останутся и будут присматривать за стадом. Если вернусь живым и невредимым - хорошо, - если же нет - стадо мое останется братьям. Чем же я лучше других? Что случится с вами, то же пусть будет и со мной.

Ответ чабана очень обрадовал царевича. На другой день они вместе поехали дальше. Пусть они продолжают свой путь, а мы посмотрим, что было дальше с бедной Нигяр.

В действительности-женщина, а по одежде- мужчина, она пристала к какому-то каравану, направлявшемуся в Дербент. Во время привалов она вместе с погонщиками разгружала мулов, водила их на водопой и на пастбище. И погонщики не оставались неблагодарными. Во всяком случае, она зарабатывала себе на кусок хлеба честным трудом. Таким образом добралась она до одного из караван-сараев на окраине славного железозвратного Дербента. Караван, с которым она ехала, был нагружен хлопком, шерстью и углем. Караванщик попросил Нигяр, которая теперь ничем не отличалась от слуг-мужчин, походить по городу, поискать ему покупателя на его товар. Нигяр согласилась. Кто бы мог подумать, увидя ее теперь, что под жалким обличем нукера скрывается супруга шахского сына, властителя целого края? Она ходила по чайханам, лавкам и гостиницам и предлагала товар старого караванщика. А караванщик обещал ей с каждых десяти рублей прибыли, которую он получит, заплатить по двадцать копеек. Быстрая, расторопная, она всюду, где ни появлялась, привлекала к себе внимание торговцев и хозяев гостиниц. Владелец чайханы в одном из самых старинных и больших караван-сараев, Ханали, однажды обратился к ней:

- Мне как раз нужен такой ловкий слуга, как ты. Оставайся у меня, я буду платить тебе каждый месяц.

Молодой слуга, опустив голову, выразил свое согласие. Ханали положил ему семь рублей жалованья в месяц, при хозяйских харчах. Нигяр ничего не возразила - она была рада, что к зиме у нее будет теплый угол.

Ханали очень любил деньги. Он требовал, чтобы новый слуга зазывал в его чайхану как можно больше клиентов - караванщиков, торговцев и всех, кто мог заплатить. Но, кроме этого, у Нигяр хватало работы и в самой чайхане; она таскала воду, кипятила самовары, мыла посуду, помогала повару.

Своим утонченным благородным обращением она часто вызывала недоумение клиентов: слишком не вязались ее манеры с одеждой слуги. Поэтому она старалась выглядеть некрасивой и как можно более походить на слугу. Она никогда не задерживалась долго возле клиентов, чтобы не привлекать их внимания. Много приходилось ей видеть в этой чайхане разных людей из разных краев, но самым странным из всех был ее хозяин, Ханали. Ему было уже лет шестьдесят, он был неряшлив и жаден чрезвычайно; вся жизнь его проходила в бессмысленном накоплении денег, которыми он даже не пользовался; все, что добывал, он зарывал в землю. Деньги для него были дороже всего на свете. Старый скряга был очень доволен тем, что его таинственный слуга весь свой заработок отдавал ему на хранение. За это он был ласков с молодым нукером и перестал обижать его.

9

Однажды по всему Дербенту пронесся слух, что какой-то царевич с большой свитой приближается к городу. Пускул-Мелик, хозяин караван-сарая, в котором держал чайхану Ханали, как и все хозяева гостиниц в городе, готовясь к встрече царевича, принялся украшать свой караван-сарай, расстелил всюду ковры, расставил дорогую посуду. Богачи, видные люди города тоже украшали свои дома и улицы перед ними. Но никто не знал, где остановится царевич. Сам он хотел посоветоваться об этом с чабаном, но чабан не осмелился дать ему совет в этом деле. Тогда царевич сказал:

- Сары-чабан, ты честный человек. Скажи мне, как, по-твоему, не остановиться ли нам в одном из караван-сараев, расположенных на окраине города?

Чабан, поразмыслив, ответил:

- Да живет царевич вечно, мне это предложение кажется разумным.

Царевич объяснил ему свою мысль:

- Признаться, мне хочется быть поближе к народу, чтобы иметь лучшее представление о том, что творится в городе, чем он живет. В караван-сараях на окраине можно встретить больше людей разного звания, среди них попадаются такие, которые хорошо осведомлены обо всех городских делах. Если каждый расскажет нам что-нибудь, то мы, люди чужие здесь, можем узнать много и извлечь из этого пользу.

Царевич послал вперед старшего слугу, чтобы тот занял за ними места в гостинице. А так как караван-сарай Пускул-Мелика был большой, богатый, имел множество удобных комнат и находился на окраине города, то слуга остановил свой выбор на нем. Он поспешил обратно и вскоре привел к караван-сараяу весь отряд Джаваншира. Всем нашлось место в караван-сараяе, а царевичу и его детям и слугам отвели отдельные помещения. Лошадей и верблюдов поставили в конюшни. Джэбе, разместив своих воинов, из осторожности занял особую комнату. По распоряжению царевича Сары-чабан был помещен в комнате рядом с ним. Когда все устроились, Пускул-Мелик явился на поклон к царевичу. Заметив простое и ласковое обращение высокого гостя, хозяин удивился и подумал: "Что же это за царевич?" Но содержатели караван-сараяев не привыкли долго удивляться. Пускул-Мелик отдал распоряжение готовить ужин. Чайханщик Ханали так суетился, что прямо места себе не находил, - он был очень рад, что в их гостинице остановились такие высокие гости, и не без оснований надеялся подработать. Когда ужин и чай были приготовлены, он велел всем слугам приодеться на случай, если придется прислуживать людям царевича.

Молодой его слуга очень устал, таская воду, дрова и уголь и подавая чай многочисленным посетителям, но Ханали не позволял передохнуть! Увы! Никто не знал, какое горе лежало у слуги на сердце! Никто не знал, что переживала Нигяр, тоскуя о своих любимых детях и муже, которые были рядом и к которым ей нельзя было подойти. Столько горьких мыслей пылало в ее голове, что, казалось, вот-вот из нее пойдет дым. От тяжких вздохов грудь ее ныла, как от раны. Но разве только одна эта беда была у нее? Горя было столько, что под его тяжестью она вся точно сжалась в комок. Она никому не могла поведать свое горе, но если кто-нибудь узнал бы о ее муках, он был бы поражен ее стойкостью, волей, силой ее души.

После трехдневного отдыха царевич решил дать большой пир. В гостинице Пускул-Мелика было сорок комнат. Самую большую из них прибрали получше и разукрасили коврами и богатой утварью. Здесь были вазы, светильники и изящные безделушки, привезенные из Китая, Индии, Ирана и многих других стран. Пускул-Мелик накрыл стол очень богато: вся посуда для еды была золотая, бокалы и чаши для вина - из перламутра. Было приглашено много гостей, и были среди них люди разных сословий. Был там и купец Дэде Сарбан, и его сын Санджар, и кази Тэке с сыном. Все пили и ели вволю. Только царевич и чабан ели без удовольствия и пристально рассматривали всех гостей, входящих в залу. Царевич сидел в конце зала, а чабан у самого входа. Когда трапеза была окончена, царевич попросил Пускул-Мелика разыскать ашуга, который бы спел гостям дастан*. Ашуги нашлись, и не один, а пятеро. Царевич задал им загадку, которую четверо не могли разгадать, а пятый отгадал, и ему было предоставлено право пропеть дастан. Он пел, и все слушали.

* Дастан - популярная форма поэзии ашугов, народных певцов.

Слушал песню и таинственный слуга Ханали, сидевший в дальнем углу. Иногда ашуг в промежутках между дастанами пел шуточные четверостишия. Гости покатывались со смеху. Только царевич и Сары-чабан, да слуга Ханали, да купец Дэде Сарбаи и его сын не смеялись. Нигяр, глядя на сидящих в зале, узнавала своих родных и недругов и жалела тех, кого ввели

в заблуждение. Но ее пожалеть было некому. Так долго она сидела. Вдруг она встрепенулась, вскочила со своего места, подбежала к хозяину и сказала ему.

- Эй, дядя Ханали, хочешь, я научу тебя, как добыть много денег?

Скряга-чайханщик, удивленно моргая глазами, посмотрел на своего необыкновенного слугу.

- Что? Деньги? Где они, покажи! Загадочный слуга, улыбнувшись, ответил:

- У меня!

- Покажи! Где деньги? Дай их мне!

- Если ты сделаешь, что я скажу, у тебя будет много денег.

У скряги даже слюни потекли.

- Почему не сделать? Все, что хочешь, сделаю, говори скорее!

- Вот что, дядя Ханали. Я тоже немножко умею петь, как эти ашуги. Возьми у них саз и дай мне - я хочу спеть маленький дастан. Сколько денег ни соберем - все будут твои.

Старик обрадовался, но затем подумал, что если дастан слуги не понравится царевичу, то плохо придется прежде всего ему, Ханали, и хозяину гостиницы, и поэтому сказал:

- Вот что, паренек, если ты умеешь по-настоящему петь дастаны, то я возьму у ашугов саз для тебя, если же нет, то лучше сиди в своем углу и не позорь нас.

Слуга ответил:

- Если мой дастан окажется плохим, пусть царевич велит отрубить мне голову.

Чайханщик тотчас же принес саз. Потом сказал Пускул-Мелику, что есть один слуга, который знает дастан о необычайно интересных приключениях. Если ему позволят, он споет. Пускул-Мелик давно заметил, что, как ни хорошо пел первый ашуг, многие из сидящих на пиру начали дремать. Поэтому он тотчас согласился с предложением чайханщика. Нашли приличную чуху и папаху и одели Нигяр. Стройный, красивый и изящный, вошел в залу новый ашуг, поклонился всем присутствующим, сказал:

- Простите меня, почтенные господа! Я вижу, что дастан этого мастера навевает сон на ваши глаза. Если будет на то ваше разрешение, я разгоню этот сон, и пусть простит меня уста-ашуг! Он не виноват. Есть такие дастаны, что нагоняют дремоту, а есть такие, что будят спящих.

Сказав это, он прижал к груди саз. Мелодия, похожая на жалобный стон, необычный вид молодого ашуга сразу привлекли к нему внимание всех. Ашуг начал так:

Мужчина лишь тот, кто прямыми путями идет,

Кто истину любит и правдою ложь не зовет.

Дальше, описав прекрасным слогом красоту железозратного Дербента, он перешел к одному из его именитых граждан купцу Дэде Сарбану. Когда он рассказал о том, как купец отправился па поклонение в Мекку, и дошел до того, что случилось с его дочерью, среди сидящих поднялось волнение, все задвигались и стали переговариваться, Чайханщик, видя неожиданный успех своего слуги, сиял от радости. Но в этом месте неизвестный ашуг прервал свое пение и спросил:

- Не надоел ли я вам еще, почтенные господа?

Со всех сторон раздались голоса:

- Нет! Нет! Пой дальше, ашуг. Продолжай. Расскажи, что было дальше!

Больше всего были взволнованы и громче всех кричали купец Дэде Сарбан и его сын.

Маленькие глазки чайханщика блестели в предвкушении солидного сбора. Он воспользовался случаем, принес бронзовое блюдо, поставил его посреди и сказал, обращаясь к гостям:

- Милостивые господа, хорошо бы помочь этому юному ашугу. Пусть каждый из вас положит на это блюдо подарок, достойный своего имени!

Молодому ашугу стало очень неловко, и он бросил сердитый укоризненный взгляд на старика-хозяина. Не прошло и несколько мгновений, как на блюде выросла гора монет. Старый чайханщик ошалел от радости. О, какое на его долю выпало счастье - иметь такого слугу!

Тем временем кази Тэке стал пробираться к выходу. Но царевич приказал Сары-чабану не выпускать из зала никого, пока не кончит петь ашуг. Взяв свой посох, Сары-чабан стал на страже у двери. А царевич, обратившись к ашугу, сказал:

- Продолжай, ашуг! Твой дастан увлек меня, хотим дослушать его до конца. Ашуг продолжал свой рассказ:

- Вспомним слова наших мудрых ашугов. Они говорят, что герой должен быть смелым, а ашуг - верным своему учителю. Бывают ашуги, которые поют обо всем, что взбредет им в голову, а есть те, которые поют только о том, что случилось с ними самими. Господа, теперь я буду продолжать, а вы следите за моим рассказом. Старайтесь не упустить главное, а истолковывать события каждый волен по-своему.

И неизвестный ашуг подробно изложил всю историю Нигяр. Когда он дошел до того места, где Санджар, не решившись убить сестру, как приказал отец, заводит ее далеко от города, Дэде Сарбан упал бел чувств на ковер. На него плеснули водой и привели в чувство. Царевич приказал Сары-чабану восстановить тишину, чтобы ашуг мог продолжать. Чабан подкрутил свои черные усы и окинул собрание свирепым, точно у тигра, взглядом. Все сразу притихли. Ашуг продолжал свой дастан. Когда он поведал слушавшим о вероломном поступке Джэбе, военачальник тоже постарался ускользнуть, но чабан, возвысив голос, сказал:

- Если кто-нибудь осмелится нарушить приказ царевича и выйти из зала до того, как ашуг закончит свой дастан, я успокою того вот этим посохом!

Джэбе пришлось сесть на свое место.

По мере того, как пел ашуг, глаза царевича все больше наливались кровью от гнева. Чайханщик, заметив приближение грозы, поспешил взять, блюдо с деньгами и скрылся, бормоча про себя: "Что за опасный нукер мне попался! И дастан его какой-то странный, не похожий на все! А я-то думал, что он ничего не смыслит, ничего не знает, а оказалось, что грудь его полна самых удивительных, необыкновенных песен!"

Снова воцарилась тишина, и таинственный ашуг продолжал свое повествование. Теперь он уже рассказывал, как Нигяр встретилась с Сары-чабаном, как он по-братски принял ее и проводил и как она подарила ему свое ожерелье. Тут Сары-чабан не выдержал, вытащил из-за пазухи своей серой чухи ожерелье и, показывая его всем присутствующим, вскричал:

- Слава правдивому ашугу! Все слова его истинны! Вот это ожерелье, а Сары-чабан - это я! Все были поражены, как громом. Одни - и царевич был среди них - были взволнованы, им не терпелось узнать, чем кончится дастан, другие - их было немного, и среди них были кази Тэке и Джэбе, - дрожали от страха.

Ашуг закончил дастан двустишием:

Кто правдою дышит, с тем радость и счастье живут,

А лгун, клеветник и предатель позорную гибель найдут.

Царевич, поднявшись со своего места, сказал:

- Прекрасный ашуг! Каждое слово в твоём дастане - истина, это не дастан, это правдивая повесть о действительных печальных событиях. Но давай договоримся с тобой - если выпустил стрелу, то лук не прячь! Ты не похож на простого ашуга - доскажи свой дастан до конца и сообщи нам, чем кончились приключения несчастной Нигяр. Знай: мы теперь не оставим тебя в покое и не дадим остановиться на полдороге.

Царевич еще не успел договорить, как загадочный ашуг медленно опустил на пол свой саз, снял папаху, развязал платок, покрывавший голову. Длинные косы змеями сползли ему на плечи, падая все ниже и ниже, да самых пят. И так он стоял, опустив голову перед царевичем. И все увидели, что это прекрасная, хоть и измученная, женщина и узнали Нигяр.

Поднялся страшный шум и переполох. Царевич молниеносно обнажил свой меч и стал у порога. Чабан с помощью верных слуг связал вероломного кази Тэке, его сына и военачальника Джэбе. Их привязали друг к другу, повели на берег Каспия и всех вместе сразу столкнули в море с высокой скалы. Купец Дэде Сарбан, раскаявшийся в своем заблуждении, прижимал к груди свою измученную, исстрадавшуюся дочь и плакал от радости. Послали за матерью Нигяр, и она тоже обнимала ее вместе с Санджаром, обливаясь слезами. Когда же привели Охтекина и Гюльтекин, то уже никто не мог удержать слез, видя встречу матери и ее детей, так долго разлученных друг с другом.

Так справедливость победила и взвилась высоко, расправив свои светлые крылья, а ложь и клевета уползли глубоко под землю. Царевич Джаваншир и его жена Нигяр снова стали жить счастливо. А Сары-чабан заслужил их вечную любовь и благодарность.

ГОШАР И ВОЛШЕБНЫЙ КОНЬ

В далекие времена жил-был хан по имени Уджар. У него была красавица-жена по имени Улькер. И были они так богаты, что не знали счета своим деньгам и сокровищам, но детей у них не было. Много раз призывал Уджар-хан самых лучших врачей, знахарей и гадалщиков, требуя от них, чтобы они помогли его горю, но они ничем не могли помочь. Хан и его жена потеряли всякую надежду иметь наследника, и печаль поселилась в их сердцах.

В один прекрасный день под балконом Улькер-ханум остановился дервиш и стал читать нараспев молитвы. В руке у него был топорик, а через плечо висел кошель из скорлупы кокосового ореха. Улькер-ханум всегда собственноручно подавала милостыню нищим и сама потом провожала их. Но на этот раз она позвала служанку и приказала ей подать что-нибудь дервишу. Когда служанка протянула ему подаяние, он отказался принять его и продолжал бормотать молитвы. Улькер-ханум, увидев это, удивилась и спросила его:

- Эй, дервиш, почему не принимаешь милостыню? У нас нет ни сына, ни дочери, о которых надо помолиться, и потому подарок мой небогат. Но если ты вымолишь нам наследника, мы щедро тебя наградим!

Старый дервиш, у которого седые волосы ниспадали на плечи, а на шее вздулись синие жилы, посмотрел на супруга хана острым пронизывающим взглядом.

- Боюсь, - сказал он, - когда у вас появится наследник, вы совсем ничего мне не подадите.

- Нет, почтенный дервиш, ты ошибаешься, - возразила супруга хана. - Пусть только родится у меня ребенок - и ты увидишь, как мы отблагодарим тебя. Поверь, останешься доволен.

Тогда дервиш опустил руку в карман и вынул оттуда ярко-красное яблоко, Он подал его Улькер и сказал:

- Ханум, разрежьте это яблоко пополам и дайте половину вашему мужу, а другую скушайте сами. После этого, в положенный срок, у вас родится двойня - мальчик и девочка. По велению судьбы дочь останется у вас, я мальчика возьму я. Десять раз зима сменится весной и лето - осенью, десять раз на деревьях распустятся и вновь опадут листья, марал будет отыскивать себе безопасное убежище, а цапля - учить своих птенцов летать, - и тогда я снова приду к воротам вашего дома, чтобы взять того, кто присужден мне судьбой. И если вы не отдадите мне мальчика, я потребую у вас обратно яблоко, что я вам сейчас дал. И тогда уже вам придется отдать мне ребенка, потому что, если вы этого не сделаете, я превращу снова в яблоко обоих ваших детей и унесу их с собой. Принимаете ли вы мои условия?

Улькер-ханум была счастлива узнать, что она, наконец, может стать матерью, но ее очень печалила необходимость отдать дервишу одного из детей. Она пошла посоветоваться с Уджар-ханом, и они решили, что следует принять и яблоко и условия дервиша. После этого дервиш ушел. Прошло девять месяцев, девять дней и девять часов - и Улькер-ханум родила двойню - девочку и мальчика. Дети подрастали, восхищая всех своей красотой. Мальчика звали Гошар, а девочку - Гюлер.

Но вот прошло десять лет, и у ворот дворца снова послышался голос старого дервиша - владелец заколдованного яблока явился, как обещал. Хан и его супруга предлагали ему горы золота и драгоценностей в обмен за мальчика, но он не брал ничего и настаивал на своем требовании. Боясь лишиться обоих детей, они уступили. По очереди прижав к груди сына, они передали его в руки злого дервиша. Гошар оглянулся. Убитые горем отец, мать и сестра стояли неподвижно и смотрели ему вслед.

Покорившись своей судьбе, Гошар шел рядом с дервишем. Долго шли они и, наконец, выйдя за пределы города, пришли к какой-то пещере. Дервиш, не выпуская руки Гошара, повел его по узкому подземному ходу, где было так темно, что хоть глаз выколи. Гошар уж собрался было заплакать от страха, но дервиш щелкнул его три раза пальцами по лбу и сказал;

- Страх рождает страх. Молчи и не бойся!

Гошар не заплакал и перестал бояться. Они продолжали свой путь, пока не дошли до большого подземного помещения, похожего на конюшню. Здесь, у кормушки, были привязаны рядом уродливый кабан и красавец-конь. Перед кабаном был насыпан в кормушке кишмиш, а у коня лежали кости. Дервиш сказал Гошару, указывая на животных:

- Присмотри за ними, пока я не вернусь. Когда у кабана кончится кишмиш - подсыпь ему, а коню подложи еще костей.

Сказав это, дервиш повел Гошара на другой конец конюшни и, открыв дверь, показал ему огромный амбар. Там у одной стены была навалена целая гора кишмиша, а у другой - гора костей. Дервиш ушел. И снова страх проник в сердце мальчика. Прижавшись в углу, он думал только о том, как бы ему выбраться отсюда, и сердце его колотилось так сильно, что, казалось, вот-вот разорвется. Слезы душили его. Было страшно. Но Гошар вспомнил слова дервиша о том, что страх рождает страх, и понял, что слезы ему не помогут. Собравшись с

духом, он начал обдумывать свое положение. Приглядываясь к коню, он заметил, что животное то и дело поворачивает голову в его сторону и вздыхает, а потом с отвращением гложет лежащие в кормушке кости. Гошар осторожно подошел к коню. Конь вытянул шею; Гошар погладил его по глазам. Потом сбегал в амбар, набрал полрешета кишмиша и высыпал перед конем, Конь принялся с удовольствием жевать кишмиш и все время оглядывался на мальчика, словно хотел поблагодарить его. Так они подружились. Догадавшись об этом, кабан начал злобно хрюкать, бить ногами о землю и рыться в кормушке своим уродливым носом. Гошар насторожился, потом пошел в амбар, принес оттуда полное решето костей и высыпал его перед кабаном. Тот принялся хрюкать еще громче. Конь вытягивал шею в сторону Гошара, словно хотел что-то сказать ему. Гошар доверчиво обнял коня за шею. Приблизив морду к уху Гошара, конь прошептал человеческим голосом:

- Меня не бойся, я друг тебе. Но надо поскорее бежать отсюда: если дервиш вернется и увидит, что ты дал мне кишмиш, а кабану - кости, он сделает с тобой то же, что сделал со мной: на века запрет в подземелье. Не теряй времени, скорей отвяжи меня от кормушки, ступай в амбар и возьми там немного соли, нож, кувшин с водой и горсть чечевицы. Мы выйдем из пещеры, ты сядешь на меня, и я поскачу.

Услышав, что конь говорит человеческим голосом, Гошар опять задрожал от страха, но вспомнил все те же слова дервиша о том, что страх рождает страх; они помогли ему и на этот раз преодолеть свою слабость. Он выполнил все, что велел ему конь.

Они выбрались из пещеры, Гошар вскочил на коня и поскакал. Долго неслись они, как вдруг увидели, что их догоняет дервиш верхом на кабане. У Гошара от страха задрожали руки и ноги, он вцепился что было силы в гриву коня и погнал его вперед. А конь сказал ему:

- Гошар, когда увидишь, что они почти нагоняют нас, рассыпь чечевицу.

Обернувшись через некоторое время, Гошар увидел, что дервиш, скрипя зубами от ярости, уже приближается к ним. Мальчик проворно высыпал на дорогу чечевицу, и она тут же взошла. И образовалось целое поле чечевицы. Достигнув его, кабан принялся пожирать чечевицу. И как ни колотил его дервиш, кабан не хотел бежать дальше. Тем временем Гошар на коне ускакал далеко. Только очистив все поле, кабан снова бросился в погоню. Гошар сказал коню, что дервиш опять догоняет их.

- Теперь брось па дорогу нож! - сказал конь.

Гошар бросил нож - в ту же минуту вырос позади них целый лес ножей. Доскакав до этого места, кабан рассек свои копыта о ножи и остановился, Гошар и конь снова оказались далеко впереди. Но скоро Гошар опять услышал топот кабаньих копыт, страшный скрип зубов дервиша. Он спросил своего друга:

- Что же теперь делать? Конь ответил:

- Теперь сыпь соль!

Гошар рассыпал соль. Вся земля кругом покрылась ею. Соль попала в раны между копыт кабана и причиняла ему такую боль, что он не мог двинуться с места. И Гошар опять ускакал далеко вперед. Долго ли коротко они скакали на этот раз, но когда Гошар опять обернулся, он увидел, что дервиш на своем кабане уже совсем близко. Гошар поспешно спросил коня:

- Что делать? Они уже почти нагнали нас!

Конь ответил:

- Не бойся ничего. Выплесни перед ними воду

Гошар вылил воду. Образовалось огромное озеро. Вода окружила кабана, подступила ему к самому горлу. Сколько ни погонял его дервиш, кабан не мог выбраться из озера и погружался все глубже и глубже. Усталые Гошар и конь стояли на берегу и, тяжело переводя дух от бешеной скачки, смотрели, как тонут дервиш и кабан. Скоро те окончательно скрылись под водой.

Так счастливо избавились они от погони.

Тогда конь сказал Гошару:

- Теперь проси у меня все, что хочешь!

Гошар посмотрел на коня и растерянно и робко спросил:

- Неужели ты хочешь покинуть меня здесь одного и уйти?

Конь ответил:

- Не бойся, что я оставлю тебя - как только ты этого захочешь, я опять появлюсь пред тобой. Вырви несколько волосков из моей гривы; если попадешь когда-нибудь в беду, зажги один из них - я тотчас прискачу.

Гошар выдернул несколько волосков из гривы коня и нехотя, со слезами на глазах, простился со своим другом. Опечаленный разлукой, направился он к склону ближайшей горы. Там напился из родника, освежил лицо и, отыскав местечко поудобнее, лег отдохнуть. Голова болела, мысли о своей судьбе не давали покоя. Наконец, измучившись, он уснул глубоким сном.

Проснулся Гошар, когда было утро и солнце заливало все вокруг своими теплыми лучами. Он сладко потянулся, чувствуя себя свежим и бодрым. Ему захотелось есть. Он огляделся и увидел, что находится на равнине, окруженной горами и холмами. Вдали виднелась огромная чинара. Гошар пошел к ней. Приблизившись, он увидел, что под деревом лежит человеческий скелет, обглоданный хищниками. Рядом валялись лук и несколько стрел с железными наконечниками. Гошар поднял лук, попробовал натянуть его. Лук был в полной исправности. Стрелы Гошар заткнул себе за пояс. Чинара, под которой он нашел лук, была такая огромная, что в ее тени могло укрыться целое стадо овец. Гошар обошел вокруг нее. На него пахло ароматом копченого мяса. Он проглотил слюну и подумал: "Откуда такой чудесный запах?" Тут увидел он в стволе чинары большое дупло, он залез в него, осмотрелся. Это была целая кладовая с полками, на которых лежали груды копченых окороков. "Наверное, мясо джейранов", - подумал Гошар и взял один кусочек попробовать. Мясо оказалось очень вкусным. Захватив с собой еще несколько кусков, он вылез из дупла, сел под чинарой и хорошенько подкрепился. Но только он нагнулся к роднику, чтобы напиться, как услышал над собой в ветвях чинары тревожный писк птенцов. Кричали птенцы волшебной птицы Симург, которая свила себе гнездо на этом дереве. Оглянувшись, Гошар увидел, что вверх по стволу, извиваясь, ползет огромный удав. А птенцы жалобно пищали от страха. Гошар не растерялся; он взял лук и прицелился. Стрела полетела, как молния, и пригвоздила удава к стволу. Гошар обрадовался своей удаче. Но змея все еще была живая, хвост у нее шевелился. Говорят, раненая змея не умирает, пока не увидит первую звезду. Гошар вспомнил про это. До вечера было далеко, он прилег в тени чинары и уснул.

Тем временем огромная птица Симург летела под облаками, неся в когтях добычу - целого джейрана, чтобы накормить своих птенцов. Сделав несколько кругов над чинарой, она спустилась в гнездо и положила в него добычу. Потом схватила огромный камень и поднялась над спящим Гошаром. Увидев это, птенцы разом подняли крик - они рассказали матери, как этот мальчик спас их от удава. Услышав это, Симург отбросила камень в сторону и, подлетев к смелому мальчику, распустила над ним свои крылья, чтобы защитить его от

палящих лучей солнца.

Проснувшись, Гошар очень удивился, увидев ее рядом с собой. Но Симуург сказала ему человеческим голосом:

- Не бойся, смелый мальчик! Скажи мне любое твое желание - я исполню его. Ты спас моих детей от пасти удава, и я на всю жизнь останусь благодарной тебе!

Гошар стал думать, что попросить у птицы Симуург. Наконец, собравшись с мыслями, он сказал:

- Отнеси меня домой, больше у меня нет никаких желаний.

- Тогда приготовься, - ответила птица Симуург. - Из дупла чинары возьми побольше мяса. Там есть бурдюк - наполни его водой. Все это привяжи мне на спину и сам садись, Мы полетим выше облаков. Я перенесу тебя на твою родину.

Гошар исполнил то, что велела ему волшебная птица, сел ей на спину, и они поднялись в воздух.

В первое мгновение в глазах у Гошара потемнело и сердце у него замерло- никогда еще в жизни не поднимался он так высоко. Он дышал часто и глубоко, втягивая в себя разреженный воздух, а волшебная птица, вытянув длинную шею, все неслась и неслась вперед, стремительно прорезая облака. Гошару было сначала страшно, но он опять вспомнил слова дервиша, поборол страх, и тогда необычайное путешествие для него стало очень приятным. Иногда он, протягивая руку, пытался схватить облако, но оно таяло в его руке. Звезды сияли теперь то над ним, то под ним, они мерцали и справа и слева, всюду. А птица Симуург поднималась все выше. Когда она пролетела над вершинами гор, покрытыми вечными снегами и закутанными в туманы, мальчик дрожал от холода, а когда он видел сверху бездонные ущелья, крутые скалы и бескрайние леса, в глазах у него темнело.

И каждый раз, когда волшебная птица испускала крик "Га-а-а!" - он давал ей кусок мяса, а когда она кричала "Гу-у-у!" - он поил ее водой.

Иногда они спускались вниз, отдыхали на вершинах высоких гор и затем снова продолжали свой путь. Так летели они ровно семь дней, пока не добрались до берега синего моря. Симуург, опустившись на берег, сказала Гошару:

- Ну-ка сойди на землю и пройдишь немного! Гошар слез, но идти не мог. Птица спросила:

- Почему это ты не можешь ходить? Не скрывай от меня, скажи правду! И Гошар ответил:

- Когда ты в последний раз потребовала мяса, крикнув "Га-а-а!", мяса больше не было, и я срезал икру со своей ноги, чтобы дать тебе. Не могу теперь приступить на ногу.

Птица Симуург сказала:

- Я почувствовала вкус человеческого мяса и не проглотила его, а оставила кусок под языком.

Сказав это, она выплюнула икру Гошара и прилепила ее своей слюной на место. Гошар снова стал ходить, как ни в чем не бывало.

- Я еще никогда в жизни не летала за море,- сказала ему затем Симуург. - Я донесла тебя до этого места, и отсюда недалеко до твоего дома. Теперь ты сам сможешь добраться туда.

И с этими словами она улетела. Гошар долго-долго смотрел ей вслед. Ему стало очень

тоскливо. И он долго не знал, что делать, пока не вспомнил о волосках, которые он вырвал из гривы своего друга-коня. Он решил вызвать его. Он достал трут, высек огонь и поджег волос. И послышалось вдалеке мощное ржание волшебного коня, как из-под земли вырос он перед Гошаром. Увидев его, Гошар обрадовался, обнял его и поцеловал в глаза. Они рассказали друг другу все, что произошло с ними за это время. Гошар сказал:

- Я хотел бы прежде всего узнать, как живут мои родители и сестра и что делается у нас дома. Конь ответил:

- Это очень легко сделать. Ты посиди здесь, а я принесу тебе весточку из дома.

Гошар, не помня себя от радости, снова кинулся обнимать и целовать коня, но конь ускользнул от него и вскоре скрылся из глаз. Гошар, задумавшись, побрел к рожице на берегу моря, чтобы отдохнуть там. Сидя в тени деревьев, он увидел, что на берегу расхаживают белые, как снег, птицы, похожие на высокие сапожки. Крики, которые они выпускали, напоминали лошадиное ржание. Когда Гошар хотел подойти поближе, они испугались, бросились в воду и скрылись. Ноги у этих странных птиц были длиннее лошадиных. Слово поддразнивая Гошара, они высовывали головы из воды и смотрели на него. Они были очень хитры и осторожны и все время оглядывались по сторонам.

Гошар сел, прислонившись спиной к большому камню. Вдруг раздался оглушительный многоголосый крик, похожий на ржание большого табуна лошадей. По берегу бежал огромный дикий кот. Слово хищный волк, подбирался он к странным, птицам.

Гошар выхватил лук, приложил стрелу. Сорвавшись с тетивы, стрела пронзила коту голову. Зверь испустил дикий вопль и повалился наземь. Гошар обрадовался своему меткому выстрелу. Суровая жизнь сделала его сильным и смелым. Он помнил слова утонувшего дервиша "страх рождает страх" и поборол в себе это постыдное чувство...

Гошар снял шкуру с кота, распялил ее на рогатке мехом вверх, чтобы просушить. Диковинные птицы следили за каждым его движением. Одна подбежала к нему и бросила к его ногам какой-то предмет, который держала в широком клюве. Гошар поднял предмет. Это была большая раковина, полная жемчужин - птицы хотели отблагодарить своего избавителя. Гошар остался очень доволен драгоценным подарком. И птиц этих назвал он жемчужницами.

...Пусть Гошар останется пока здесь, а мы посмотрим, что происходит в это время с Уджар-ханом, который так много оплакивал своего сына, что потерял зрение. К нему собирали множество врачей, знахарей и колдунов, но они не могли излечить Уджар-хана; не было никакой надежды вернуть ему зрение.

Когда волшебный конь, узнав об этом, вернулся к Гошару, он нашел его спящим на берегу у большого камня. Конь ударил о землю копытом, заржал. Гошар сразу проснулся. Вести, принесенные конем, сильно опечалили его. Он заплакал и подумал: "Это горе обрушилось на голову отца из-за меня!" Перед его глазами, как живые, встали мать и сестра, удрученные горем.

Конь стал успокаивать Гошара, сказал:

- Слезы - признак слабости. Это тебе не подходит. Слезами ты не поможешь горю, не излечишь отца. Послушай лучше, что я тебе скажу.

Гошар утер слезы, поднялся и, обняв за шею доброго коня, стал слушать. Конь сказал:

- Есть только одно лекарство, которое может исцелить твоего отца. Это - молоко морской кобылицы. Для того, чтобы выманить ее из воды и добыть ее молоко, нужно вызвать сначала морского коня. Тогда и она выйдет вслед за ним. Но и конь сам не выйдет. Для этого мне

придется нырнуть глубоко в море и там сразиться с ним. А ты на берегу следи: если на воде покажется кровь, значит он победил и убил меня, а если вода только замутилась и запенится - знай, что я победил морского коня и веду его за собой. Как только я вытащу его на берег и свалю на землю, ты наденешь на него узду, вскочишь на него верхом и погонишься за мной.

Научив таким образом Гошара, что он должен делать, волшебный конь нырнул в море. Через некоторое время вода замутилась и стала пениться. Волшебный конь показался из воды. Он крепко вцепился зубами в гриву морского коня и тащил его за собой. Швырнув его на песок, он крикнул Гошару:

- Скорее, скорее, садись на него!

Гошар, ухватившись за гриву морского коня, взнуздав его, вскочил ему на спину и погнал что было силы. Морской конь неся, как ветер.

И люди Уджар-хана заметили, что по дороге ко дворцу мчится, как ураган, какой-то юноша на диковинном коне, а вслед за ним вихрем несутся целый табун таких же коней.

Достигнув дворца, Гошар приказал слугам немедленно доить морских кобылиц. Слуги выполнили его приказание и надоили целый бассейн молока, в котором и искупали ослепшего Уджар-хана. Свет снова озарил его глаза, точно он родился во второй раз. Отец, мать и сестра обнимали и ласкали Гошара, а он рассказывал им обо всем, что произошло с ним за время их разлуки. Все были удивлены его храбростью, силой и мужеством. И долго еще имя его переходило из уст в уста, словно имя героя дастана.